

Последствия отсутствия императора на утреннем совете были слишком велики. Какие бы оправдания ни придумывали, это неизбежно вызвало бы цепочку неприятностей. Лучше было стиснуть зубы, сгладить ситуацию, а затем вернуться и спокойно поспать.

— Даже если только ради того, чтобы удержать эту красавицу, он должен был крепко держать власть в руках и хорошо управлять государством!

Ци Юньхэн взглянул на спящее лицо Оуяна и непроизвольно улыбнулся.

Когда Оуян снова открыл глаза, Ци Юньхэн уже вернулся к нему.

Казалось, Ци Юньхэн только что лег. В тот момент, когда Оуян открыл глаза, их взгляды встретились.

— Ты только что вернулся или... не уходил? — неуверенно спросил Оуян.

Ци Юньхэн рассмеялся:

— Ты, наверное, еще не проснулся?

— Значит, только что вернулся.

Оуян взглянул на солнечный свет за окном и небрежно спросил:

— На утреннем совете ничего не случилось?

— Ты еще спрашиваешь?

Ци Юньхэн обнял Оуяна.

— Не волнуйся, я не настолько беспомощен, чтобы позволить мелким интригам в заднем дворце выйти за его пределы и вызвать переполох. Императрица и супруга Гао точно не станут распространяться об этом. В нынешнем императорском дворце нет глупцов. Они лучше меня, императора, знают, что можно делать, а что нельзя.

— Нынешний...

Оуян скривил губы.

Нынешняя гармония в заднем дворце сохранялась лишь потому, что императрица и принцы были слишком молоды, а матери принцев давно следовали за Ци Юньхэном и уже не питали к нему никаких надежд.

Но в заднем дворце не могло вечно быть только этих нескольких человек. Через два-три года обязательно появятся новые, не знакомые с Ци Юньхэном. А через пять-шесть лет, когда императрица и принцы повзрослеют, девочки станут женщинами, дети — юношами, и их настроения изменятся.

Сможет ли задний дворец остаться гармоничным в будущем — это только небу известно.

Ци Юньхэн также уловил сарказм в слове «нынешний» и с усмешкой произнес:

— Не волнуйся, Чунъянь, я не позволю заднему дворцу превратиться в поле боя и тем более не позволю этим глупцам мешать нам.

Лучший способ не мешать — это вообще не существовать.

Оуян подумал об этом, но не сказал вслух.

Задний дворец отличался от обычного дома, и наложницы для императора — это не просто развлечение. Использовать задний дворец для манипуляций в прошлой династии, конечно, было бы смешно, но получить достойного наследника — это то, что ни в коем случае нельзя упускать в заднем дворце.

Конкуренция приводит к развитию, и это верно в любое время.

В эпоху, когда страна принадлежит одной семье, воспитание достойного наследника — это неизбежная ответственность императора, а борьба за трон — единственное испытание, через которое проходят принцы. Тот, кто выйдет победителем из этой борьбы, не обязательно станет лучшим правителем, но тот, кто не пройдет это испытание, точно не сможет управлять страной. А тот, кто даже не участвовал в такой борьбе, с большой вероятностью станет точкой перелома, когда династия начнет клониться к упадку.

Единственный сын или вовсе отсутствие наследников всегда были большим табу для императорской семьи, и для страны, и для народа это тоже не было благом.

Как нельзя быть блудницей и при этом ставить памятник добродетели, так и император не должен мечтать о том, чтобы стать великим любовником, потому что это непрофессионально и безответственно.

Каждая легенда об императоре и его любимой наложнице скрывает за собой горы костей и реки слез простых подданных.

Именно из-за такого понимания Оуян, вернувшись к Ци Юньхэну, никогда не мечтал о том, чтобы быть с ним вместе до старости, чтобы их история стала легендой.

Решив вернуться к Ци Юньхэну, Оуян уже четко осознавал, с чем ему придется столкнуться.

Оуян не был настолько глуп, чтобы толкать Ци Юньхэна на чужую постель, но если Ци Юньхэн сам решит провести ночь с кем-то другим, он не станет тратить силы, чтобы остановить его.

Оуян считал, что если Ци Юньхэн будет наслаждаться жизнью в заднем дворце, а он сам будет жить в Летнем дворце в свое удовольствие, то это будет идеальный способ сосуществования.

Но привязанность Ци Юньхэна к нему превзошла ожидания Оуяна.

Как Оуян однажды сказал Су Су, как император, Ци Юньхэн сделал все, что мог, и даже вызвал у Оуяна чувство вины — чувства Ци Юньхэна Оуян не мог ответить взаимностью, и тем более не мог их отплатить.

Оуян не был настоящим тридцатилетним, и тем более не был тринадцатилетним юношей, только начинающим познавать любовь.

На самом деле, сердце Оуяна никогда не было открыто для любви, и время для этого уже прошло, как и определенные этапы жизни, такие как детство. Если упустил, то упустил, и никакие попытки исправить это не имеют смысла.

Более того, если бы Оуян действительно ответил на чувства Ци Юньхэна, результат, вероятно,

был бы не тем, что Ци Юньхэн хотел бы увидеть и смог бы принять.

Во-первых, он больше не смог бы оставаться императором!

Оуяну не нужны были сыновья, власть, страна, и тем более он не хотел, чтобы его партнер тратил силы и время на вещи, не связанные с бессмертием.

Но это было именно то, что нынешний Ци Юньхэн не мог принять и вынести.

Поэтому мечты о взаимной любви и вечной жизни вместе лучше оставить в стороне, живи одним днем!

— Чунъянь, ты о чем-то беспокоишься?

Увидев, что Оуян замолчал, Ци Юньхэн слегка забеспокоился, инстинктивно обнял его крепче и осторожно спросил.

— Беспокоиться есть о чем, и твоя мать — одна из таких вещей.

Оуян скривил губы, следуя намеку Ци Юньхэна.

Оуян крайне не любил госпожу Юнь, но не понимал, почему Ци Юньхэн ненавидел свою мать еще больше, даже до такой степени. Однако вопрос о том, на чьей стороне быть — жены или тещи, даже не требовал обсуждения.

— Императрица-мать... должна прожить еще несколько лет.

Ци Юньхэн вздохнул и горько усмехнулся.

— Не смейся, Чунъянь, но если она внезапно умрет, это будет не только неблагоприятно, но и создаст огромное давление на казну — после ее смерти придется начинать строительство гробницы, а это слишком большие расходы, которые нынешняя империя просто не сможет выдержать.

— Похорони ее в родовом склепе, а когда гробница будет готова, перенеси туда гроб.

Оуян был равнодушен.

— Ты думаешь, что гробницу императора можно построить за один день? Только на выбор места уйдет несколько лет, а то и десятилетий, потом будут споры о том, как строить и какого размера — все это затянется надолго! Может случиться так, что ты умрешь, а гробница еще не будет готова.

— ...

— Честно говоря, тебе стоит начать готовиться к этому, как будто...

...найти дело для Шэнь Чжэньжэня.

Оуян чуть не выпалил это вслух.

По традиции, для строительства гробницы требовалось, чтобы культиваторы из секты Шэнь Чжэньжэня выбрали место и составили план. Именно так они выжимали выгоду из императора.

Но это было не то, что Оуян должен был знать, поэтому он быстро оборвал начатую фразу и сказал:

— Конечно, если тебе это неприятно, забудь, что я сказал.

— Ничего неприятного.

Ци Юньхэн улыбнулся.

— С тех пор как Чунъянь вернулся ко мне, мое здоровье стало улучшаться с каждым днем, как будто я принимаю волшебные снадобья.

Еще бы, ты ведь и правда принимаешь волшебные снадобья!

Те снадобья, которые делают нынешние полупрофессиональные культиваторы, даже не сравнятся с чашкой воды, которую я тебе дал!

Оуян невольно скривился.

Ци Юньхэн, стоявший напротив него, легко заметил этот едва уловимый жест и улыбнулся еще шире, нарочито сказав:

— Верно, мое здоровье, Чунъянь, ты знаешь лучше всех.

— Эй, я тебе говорю, не зазнавайся!

Оуян не выдержал и закричал.

— Быстро расплавь ту золотую клетку наверху и займись чем-то полезным! Если я еще раз увижу эту штуку, клянусь, я сожгу твой Дворец Тайхуа вместе с этой дурацкой клеткой!

— Чунъянь, тебе не нравится?

Ци Юньхэн, конечно, не поверил и не воспринял слова Оуяна всерьез, лишь притворно удивился.

— Вчера ночью, когда мы были вместе, ты говорил совсем другое!

— То, что говорится в такие моменты, нельзя воспринимать всерьез!

Оуян покраснел и разозлился.

<http://bllate.org/book/16203/1454741>